СХОЖИЕ ФОРМУЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В УЛИГЕРАХ МАНШУТА ИМЕГЕНОВА¹

Аннотация. Объектом исследования является поэтико-стилевая единица, отличающаяся в фольклорном тексте константностью и самостоятельностью. Целью работы является анализ тождества структурной организации текста, сходства в наборе типических мест в эпосах «Абай Гэсэр-хубун» и «Еренсей», относящихся к одной эпической традиции и записанных от одного сказителя. В улигерах Маншута Имегенова выявлены устойчивость и вариативность доминантных единиц, которые представляют собой ядро, стержневой элемент повествования. Являясь элементом коммуникативного стереотипа, формульные выражения и отдельные лексемы фиксируют значимые характеристики текста, специальным образом закрепленные и структурированные моменты в семантике текста. Константные единицы, имея «идеоэтнический характер», наиболее ярко высвечивают локальную специфику эпического текста.

Ключевые слова: эпос, эхирит-булагатский вариант, Гэсэр, Еренсей, константа, тождество

Lyudmila S. Dampilova
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
 Ulan-Ude, Russia

SIMILAR FORMULAIC EXPRESSIONS IN ULIGERS OF MANSHUT IMEGENOV

Abstract. The object of the study is a poetic-style unit, distinguished in folklore text by constance and independence. The purpose of the work is to analyze the identity of the structural organization of the text, the similarities of typical places in the epics "Abai Geser-hubun" and "Erensei", belonging to the same epic tradition and recorded from one storyteller. The uligers of Manshut Imegenov the stability and variability of dominant units are revealed. They are the nucleus, the core element of the narrative. Being an element of a communicative stereotype, formulaic expressions and words refer significant characteristics of the text, specially fixed and structured moments in the semantics of the text. Constant units, having an "ideoethnic character", most clearly reflect the local specifics of the epic text.

Keywords: epic, Ekhirit-Bulagat version, Geser, Erensey, constance, identity.

В современной отечественной фольклористике уделяется особое внимание проблеме систематизации богатейшего фольклорного материала. Как известно, фольклорный текст как коллективный опыт конструируется по правилам эстетики тождества. В этой области выделяется систематизация массива типических мест и системное описание формульных выражений как константных единиц.

Объектом исследования является поэтико-стилевая единица, отличающаяся в эпическом тексте константностью и самостоятельностью. «Обнаружение констант на уровне сюжета, мотива, формульных сочетаний и отдельных лексем, возможно, позволит нам объяснить закономерность устойчивости слагаемых эпического повествования» [Хабунова 2006: 6]. Выявляя константные единицы в корпусе текста, выделяются разделы по их основным коммуникативным и образно-выразительным функциям. Здесь обращается внимание на такие признаки, как придание речи выразительности, передача эмоциональных, психологических особенностей действующих лиц, передача внешних особенностей персонажа, авторская характеристика персонажа, характеристика традиций, описания обстановки, природного, предметного мира и т.д.

Целью работы является анализ тождества структурной организации текста, сходства в наборе типических мест в эпосах «Абай Гэсэр-хубун» и «Еренсей», относящихся к одной эпической традиции и записанных от одного сказителя. Крупнейшие эпосы «Еренсей» (*Ерэн таба наһатай ехэ үбүгэн Унтан Дуурай абхай хоёр*) и «Абай Гэсэр-хубун» были записаны в 1905 и 1906 гг. известным ученым фольклористом Ц. Ж. Жамцарано в улусе Кукуртур Эхирит-Булагатского района Иркутской

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2

области от знаменитого сказителя Маншута Имегенова. В данном случае необходимо подчеркнуть, что оба текста переведены на русский язык М. П. Хомоновым, который использовал схожие образные выражения и синонимические ряды.

Основой для нашего исследования послужил фундаментальный труд Е. Н. Кузьминой «Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири», в котором бурятский корпус типических мест состоит из девяти сказаний, принадлежащих трем основным сказительским традициям, среди них эхирит-булагатские тексты: «Айдурай Мэргэн», «Алсуудар Мэргэн», «Осоодор Мэргэн», «Аламжи Мэргэн», «Хатуу Хара хаан», «Бэрхэ Шонходой» [Кузьмина 2005: 3-10].

Формульные выражения выступают как сюжетообразующий фактор и обозначают повторяющиеся составляющие в устройстве клишированных мотивообразующих ситуаций. Так, например, в набор повторяющихся тематических детерминант входит традиционный сюжет о походе героя на битву с врагами с постоянными мотивами одевания, снаряжения и выезда героя:

<i>Буудай мүнгүн хаадайн</i>	Навесил на правый свой бок
<i>Баруун ташаа байлгabal,</i>	Свой колчан из будай-серебра,
<i>Ерэн табан номые</i>	Девяносто пять своих стрел
<i>Ерхээсэн ахаба,</i>	[На себя], ошетины, навесил,
<i>Далан табан номоо даа</i>	Семьдесят пять своих стрел,
<i>Дархайсан ахаба —</i>	Громоздя, [на себя] он навесил.
<i>Мэтэр гэсэн биеэрээ</i>	Вслед за тем,
<i>Нарин голоор хэмнэбэ —</i>	Он, измерив долиною узкой,
<i>Нари мүнгэн хоромгүй</i>	Налучник изящный серебряный свой
<i>Зүүхэн ташаа байлгabal.</i>	Он повесил на левый свой бок,
<i>Далан табан тэбхэтэ</i>	И вложил он в налучник
<i>Данъял шара номоёо</i>	Желтый даньяльский свой лук,
<i>Хормогодоо хударба.</i>	Имеющий семьдесят пять подставок.
<i>Түүнээ газаа биеэдэн</i>	А сверху покрыл он
<i>Дуулга мүнгэн хуягаа</i>	Броней
<i>Хуягалан абаба</i>	Из дулга-серебра.
	[Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 151-152]
<i>Буудай мүнгүн хаадагаа</i>	Будай-цельный колчан
<i>Баруун ташаандаа хэбэлдаа.</i>	на правый свой бок повесил.
<i>Амин дотор барима</i>	Для лося черную стрелу,
<i>Хандагайн хара номоёо</i>	которая [защитницей] жизни была,
<i>Түрүүлэжэ дүрүбэ.</i>	первой засунул.
<i>Ерэн табан үүтхээ</i>	Девяносто пять стрел
<i>Ерхэйсэлэн ахаба,</i>	пучком воткнул,
<i>Далан табан үүтхээ</i>	семьдесят пять стрел
<i>Дархайсара ахаба.</i>	рядами навесил.
<i>Нарин голоор хэмнэмэ</i>	Похожий на узкую долину
<i>Нари мүнгүн хормогоо</i>	тонко-серебряный налучник
<i>Зүүхэн ташаан дээрээ хэбэ,</i>	на левый свой бок привесил,
<i>Далан табан тэбхэтэйлэ</i>	даньяльский желтый лук
<i>Данъял шара номоёоло</i>	с семьюдесятью подставками
<i>Хормогодоо хударбал.</i>	В налучник засунул.
	[Еренсей 1968: 17]

Описывая одевание доспехов Гэсэром и Еренсеем, сказитель использует трафаретные одни и те же формульные выражения, в улигерах формулы в семантическом плане остаются неизменными, могут вставляться лишние строчки, связующие текст (*мэтэр гэсэн бэеэрээ*). Импровизируя, сказитель может заменить грамматические формы, глаголы синонимами (*байлгabal*, *хэбэлдаа*), уточняет разными эпитетами. Так, например, если в «Гэсэре» он только перечисляет стрелы: «Девяносто пять стрел» (*Ерэн табан номые*), то в «Еренсее» к этой же формуле еще уточняет качество стрелы развернутым эпитетом: «Для лося черную стрелу» (*Амин дотор барима хандагайн хара номоёо*). Сказительское мастерство М. Имегенова проявляется в умении с точной аллитерацией и новым семантическим оттенком заменить обычно употребляемое слово *хангай* словом *хандагай*.

В каждой эпической традиции свои особые формулы, к ним можно отнести характерный для эхирит-булагатской традиции повторяющийся фактор как описание снаряжения героя в экстремальной ситуации, показывающий поспешность при появлении врага. Если обычное перечисление снаряжения имеет нейтральный характер, то в данном случае повествовательное

выражение одновременно имеет функции лаконизации текста и эмоционально-экспрессивной оценки действий героя:

<i>Эжэн абай хүйхэр лэ</i>	Хозяин Абай-удалец
<i>Дэгэл үгээ урбаахаар,</i>	без дэгэла — в рубашке,
<i>Годоно үгээ оймохоор</i>	без унтов — лишь в чулках
<i>Гүйн харайн гаширба.</i>	[на улицу] выбежал.
[Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 143]	
<i>Дэгэл үгэй урбаахьяар</i>	Сел он
<i>Годонон үгэй оймохоор</i>	на неоседланного коня,
<i>Улаан зайда морёоло</i>	в рубашке, без шубы,
<i>Уналдаһан бэлэйлэ.</i>	В чулках, без унтов.
[Еренсей 1968: 91]	

В текстах употребляется эта неизменная формула с соответствующим контекстом. Расположение и последовательность частей текста тесно связаны с обязательными повторяющимися образными стереотипами. Как отмечает М. И. Тулохонов: «Повторы одних и тех же устойчивых “общих мест” в виде постоянных формул, порою представляющих собой цельные триады в одном и том же эпизоде, создают иллюзию статичности сюжета, что, однако, противоречит динамике повествования — главной особенности улигера» [Тулохонов 1995: 472].

Традиционные формульные выражения, не связанные с определенным сюжетом, зачастую составляют основу, отличительный почерк эпического репертуара сказителя. В улигерах Маншута Имегенова в разных сюжетных событиях используется постоянная устойчивая формула с обобщающей функцией выражения согласие героя:

<i>Зуби нэгэ хүүриин</i>	Слово истины
<i>Зүбхэн дээрэн тохожо,</i>	Правдой считая,
<i>Зүргэ нэгэ байхада</i>	Тропинку
<i>харгуй дээрэн тохожо</i>	Дорогой считая,
<i>Санхан Гоохон дүүхээ</i>	Санхан Гохон-духэй
<i>Ошолдоно бэлэйл даа.</i>	Перешла (в тот дворец).
[Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 128]	
<i>Зүбхэн хани гэжэ,</i>	С просьбой считаясь,
<i>Зүбхэн ханай хүүриин</i>	искреннее его слово
<i>Зүбхэн дээрээ тохоболдаа.</i>	за истину принял,
<i>Зүргө хани харгуйен</i>	тропиночку
<i>Харгуй дээрээ тохоболдаа.</i>	за дорогу принял.
[Еренсей 1968: 8]	

В разных текстах в формульном выражении нет точного воспроизведения слов (*Зуби нэгэ хүүриин*, *Зүбхэн ханай хүүриин*). Сказитель меняет некоторые слова, но ключевые выражения всегда остаются (*Даньял шара номоёоло*, *Зүбхэн дээрэн тохожо*), и семантика формулы остается однозначной. «Существенным признаком фольклорной формулы является именно эта ее внутренняя смысловая обязанность — эстетическая предпосылка ее использования» [Мальцев 1989: 42].

В сказительской традиции Маншута Имегенова требуют расшифровки слова и выражения, которые сегодня не употребляются. Эпическая формула, используемая в разных ситуациях, имеет некоторый завуалированный оттенок, поэтому дается приблизительный перевод по основному смыслу. Здесь срабатывает система коллективного представления моделями-«штампами». Для уточнения семантики сравним с другими вариантами формульных выражений с обязательным присутствием одного ключевого слова «правда» (*зүбхэн*). В них это же выражение переводится дословно, и смысл вполне прозрачный:

<i>Зүби хэлэһэн газартаа</i>	Если верно сказал,
<i>Зүбхэн ханай байхалдаа,</i>	то и правдой будет:
<i>Зүргүй байһан газартаа</i>	где есть тропинка,
<i>Харгуй ханай болхолдаа!</i>	там дорога будет!»
[Еренсей 1968: 99]	
<i>Зүбы нэгэ хүүриини</i>	Правдивое твое слово
<i>Зүбхэн гэхэ байналби.</i>	за правду мы принимаем.
[Еренсей 1968: 100]	

Таким образом, повторение микроконстант, т.е. доминантных ключевых слов, в различных комбинациях уточняет значение формульного выражения.

В эхирит-булагатских улигерах постоянно употребляемое образное выражение «оставшись в становой жиле с шелковую нить» (*утаһани шинээн улаан голдоо*) обозначающее «душу» или «жизненную силу» эпических персонажей, варьируя в разных текстах на уровне микро- и макроконстант, непременно репродуцирует свой исходный смысл на уровне фабулы эпического повествования:

Хубуун намайе яахашииб?
Ядаа хани гэжэ лэ
Утаһани шинээн
Улаан голдоо тороһон юумэл би!

[Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 147]

Утаһанай шэнээн

Улаан голдоо торожо

Улижа сохижо байгаарай.

[Абай Гэсэр-хүбүүн 1961: 88]

Хэзээнхэш хэбтээдаа

Энэ шүнүһэнһээ гараа гүй

Утаһани шинээн улаан голдоо

Торхожо хэбтээрэй.

[Еренсей 1968: 93]

Что делать со мной собираешься, парень?

Едва я держусь,

Лишь на жиле своей становой,

Что шелковой нити подобна!

Так рыдай ты и плачь,

Доходя до артерии спинной,

Становящейся тонкой, как шелковая нить.

Пусть вечно

лежит в этой лиственнице,

оставшись в становой жиле

с шелковую нить.

В этом формульном выражении в двух вариантах текстов почти нет разночтений, как герой, так и антагонист могут находиться в еле живом состоянии. В эхирит-булагатском эпосе трафаретно герой наказывает врага, оставляя его именно в состоянии между жизнью и смертью. Мифологическое представление о душе, которая держит жизнь на тоненькой ниточке, проходит в эпическом тексте как постоянная метафора с неизменным значением. По мнению С. Ю. Неклюдова, «парадигма «душа — жизнь — судьба — удача — счастье» <...> может символически реализовываться как нить (например, согласно воззрениям некоторых сибирских народов, тянущаяся с неба, из рук верховного божества к каждому человеку)» [Неклюдов 1975: 66]. Путем анализа микро- и макроконстант, составляющих определенный мотив, можно систематизировать, выделить и определить семантическую глубину символических и метафорических выражений.

В итоге исследования нами выявлено, что в улигерах поэтически одаренного сказителя Маншута Имегенова используется богатый фонд образных выражений (метафор, эпитетов, антитез, синонимов) и мифологических символов. В текстах, записанных с разницей в один год, существуют устойчивые совпадения как микроконстант, так и макроконстант. В улигерах Маншута Имегенова выявлены устойчивость и вариативность доминантных единиц, которые представляют собой ядро, стержневой элемент повествования. Повтор константных единиц занимает главную позицию в эпическом творчестве, определяет ее типологическое своеобразие, группируя их по формальным, структурным и содержательным признакам. Являясь элементом коммуникативного стереотипа, формульные выражения и отдельные лексемы фиксируют значимые характеристики текста, специальным образом закрепленные и структурированные моменты в семантике текста. Константные единицы, имея «идеоэтнический характер», наиболее ярко высвечивают локальную специфику эпического текста.

Литература

Абай Гэсэр-хүбүүн. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хоимонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961. 230 с.

Еренсей. Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хоимонова. Улан-Удэ, 1968. 207 с.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Новосибирск, 2005. 1383 с.

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. 168 с.

Неклюдов С. Ю. Душа убиенная и мстящая // Труды по знаковым системам, VII (Уч. зап. ТГУ, № 394). Тарту, 1975. С. 65–75.

Тулохонов М. И. Бурятский героический эпос «Гэсэр» // Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М., 1995. 526 с.

Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д. 2006. 256 с.